

27. **Pabongka Rinpoche**. Lamrim: Freedom in our hands: 2 vol. – Ulan-Ude, 2008.
28. **Zab-lam** bla-ma mchod-pa'i cho-ga bde stong dbyer-med ma bzhugs-so. – Bla-ma'i rnal 'byor dang yi-dam khag-gi bdag bskyed sogs zhal 'don gces btus bzhugs so. – Delhi, 2003.
29. **His Holiness** Dalai-Lama and Doctor Govard K.Katler. Arts of being Happy: Guideline to Life. – Kiev; Moscow; St. Petersburg, 2004. – P. 324.
30. **Yonge** Mingyur Rinpoche. Buddha, Brain and Neurophysiology of Happiness. How to change lives for the better. Practical Guide. – Moscow, 2009.

Принята редакцией: 02.09.2015

DOI: 10.15372/PHE20150622

УДК 316.3/.4+314+39(571)+37.0

ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО И МИГРАНТЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ⁵

Е. А. Ерохина (Новосибирск)

Автор показывает динамику отношения экспертного сообщества к проблеме адаптации и интеграции мигрантов на примере изменений в миграционном законодательстве РФ, появления новых образовательных практик. В статье освещаются проблемы и перспективы развития образовательного пространства как поля взаимодействия «приезжих» (представителей этнических диаспор) и «местных» (представителей принимающего сообщества) в двух аспектах. В аспекте образования взрослых речь идет о необходимости совершенствования законодательной базы и практик сертифицирования иностранных граждан для получения патента на осуществление трудовой деятельности. В аспекте образования детей-мигрантов речь идет о трудностях, с которыми и сталкиваются система общего образования и педагогические коллективы школ с многонациональным составом учащихся.

Представленный материал содержит выводы социологического исследования, направленного на выявление стратегий взаимной адаптации мигрантов и принимающего сообщества. На основе анализа статистических данных, полученных в результате опроса этнических мигрантов из стран ближнего зарубежья и представителей принимающего сообщества, сделан ряд значимых выводов. В сфере межличностных отношений очевидны стремление этнических мигрантов сократить дистанцию с представителями принимающего сообщества и безразличие последнего к этим намерениям. Подчеркивается необходимость мер взаимной, а не односторонней адаптации мигрантов и представителей принимающего сообщества.

Ключевые слова: образование, мигранты, резиденты, адаптация, интеграция.

⁵ Материал подготовлен при поддержке гранта РГНФ № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтнические мигранты – стратегии и практики взаимодействия».

© Ерохина Е. А., 2015

Ерохина Елена Анатольевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН.

E-mail: leroh@mail.ru

Erokhina Elena A. – Candidate of Philosophical Sciences, senior researcher, Institute of Philosophy and Law of SB RAS.

HOST COMMUNITY AND MIGRANTS IN THE EDUCATIONAL SPACE: PROBLEMS AND PROSPECTS

E. A. Erokhina (Novosibirsk)

The author demonstrates the dynamics of the attitude of the expert community to the problem of adaptation and integration of migrants on the example of changes in the migration legislation of the Russian Federation, the emergence of new educational practices.

In the article the problems and the prospects of educational space are presented as a part of interaction between the «newcomers», representatives of ethnic groups, and the «locals», the representatives of the host community, and are considered in two aspects. In the aspect of adult education we are talking about the need to improve the legal framework and practices of certification of foreign citizens to obtain a patent for work in Russia. In the aspect of the education of migrant children we are talking about the difficulties faced by the education system and groups of schools with the multinational structure of pupils.

The presented material contains the findings of sociological research aimed at identifying the strategies of mutual adaptation of migrants and the host community. On the basis of analysis of the statistical data obtained from the survey of ethnic migrants from neighboring countries and representatives of the host community, several significant conclusions are made. In the sphere of interpersonal relations it is obvious that ethnic migrants are striving to reduce the distance with the host community, but the «locals» remain indifferent to their efforts. Eventually, adaptation measures are necessary to both parties: migrants and the host community.

The activity of state structures (including FMS), aimed at the incorporation of immigrants from neighboring countries into the structure of Russian society, is insufficient. The efforts of scientific and pedagogical intelligentsia will not yield a positive result unless on the regional and municipal levels there are formed expert network undertaking ethnosocial monitoring. Besides, appropriate programs are necessary to facilitate the adaptation of children of different nationalities to the educational space, cooperation between the two categories of the population in the framework of territorial public self-awareness in the media, including in terms of the presentation of the objective criminal statistics, both about the ones which are committed by migrants and in relation to them. These measures should be implemented in a comprehensive manner and focused not only on migrants, but also on the host society.

Keywords: *education, migrants, residents, adaptation, integration.*

В 2000-е гг. в экспертном и массовом сознании, как известно, наметилась тенденция к осознанию необходимости привлечения иностранной рабочей силы, приток которой в постсоветский период способствовал поддержке экономического развития России и компенсировал естественную убыль населения. В пользу этой гипотезы говорит, например, некоторая либерализация миграционного законодательства. Так, например, в июле –ноябре 2006 г. и январе 2007 г. в России были приняты основы нового миграционного законодательства, вступившего в силу с 15 января 2007 г., элементами которого являются, во-первых, уведомительный порядок постановки на миграционный учет по месту временного пребывания, во-вторых, отмена жесткой привязки миграционного учета к месту фактического проживания, в-третьих, предоставление мигранту, прибывшему в Россию в безвизовом

порядке, возможности самому получить разрешение на работу (в течение 10 дней).

В целом эти изменения отразили попытки комплексного подхода к проблеме: во внешней политике очевидна направленность на интеграцию со странами бывшего СССР и создание общего с ними рынка труда, а во внутренней политике – нацеленность на создание условий, предотвращающих появление коррупционных и теневых схем и обеспечивающих гарантию соблюдения законодательства и прав мигрантов. Параллельно с этими нормами, регулирующими порядок временного пребывания иностранных граждан, действовали нормы разрешительного порядка временного и постоянного проживания иностранцев на территории России. Таким образом, свой порядок был установлен для регулирования циклической (временной) миграции и миграции с целью постоянного пребывания (в том числе с перспективой натурализации) [1, с. 19–36].

Следующим серьезным шагом, предпринятым государством в 2012 г., стало принятие Концепции государственной миграционной политики РФ, дифференцирующей каждое из направлений миграционного регулирования (всего их было выделено 11). Одним из приоритетных положений Концепции является признание значимости миграции на постоянное место жительства как источника увеличения численности населения страны, а привлечение высококвалифицированной рабочей силы – как источника накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономическое развитие и благосостояние в принимающих странах. В тексте Концепции подчеркивалось несовершенство текущего законодательства в плане учета потребностей развития, отмечалось, что оно не содержит мер, способствующих переезду в Россию на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов. Концепция государственной миграционной политики РФ 2012 г. признала в качестве важных задач обеспечение социальной защищенности в плане адаптации и интеграции мигрантов, защиты их прав и свобод [2].

Сразу после утверждения Концепции в миграционном законодательстве появился ряд новшеств: 1) упростилась процедура принятия гражданства для некоторых категорий граждан СССР и их детей (ФЗ 182 «О внесении изменений в Федеральный закон “О гражданстве Российской Федерации”» от 12 ноября 2012 г.); 2) стала внедряться патентная система осуществления трудовой деятельности для мигрантов из государств с безвизовым режимом въезда. Это дало возможность оформлять разрешительный документ на работу не только у юридических лиц по квоте, но и у физических и юридических лиц без квотирования. Введение патентной системы создало определенные условия для легализации трудовой миграции и возможности защиты прав мигрантов [2]. Вместе с тем следует от-

метить и проблему: стоимость патента в совокупности со стоимостью медицинской страховки, краткосрочных курсов и прохождения тестирования на знание основ русского языка, истории и законодательства России, может превышать материальные возможности, получаемые от трудоустройства на работу. Необходимость всех иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в РФ, сдавать экзамен (тестирование) на знание основ русского языка, истории и законодательства России вызывает бурные дискуссии. Кроме того, предметом обсуждения является и уровень требований к знаниям, которые должны продемонстрировать мигранты.

В 2015 г. вступил в силу Федеральный закон № 357 (от 24 ноября 2014 г.) о замене квотирования трудовых мигрантов из стран, с которыми у России существует безвизовый режим, патентной системой [3]. Патент (получить его необходимо в течение 30 дней с момента въезда) выдается на месяц с возможностью продления срока его действия до года. Через год патент может быть продлен еще на год. Для его успешной реализации в субъектах РФ начала создаваться система многофункциональных миграционных центров, обратившись в которые после успешного прохождения определенных процедур (медицинского освидетельствования, тестирования, постановки на миграционный и налоговый учет), иностранец получает патент на осуществление трудовой деятельности на территории данного субъекта. В настоящее время в тех регионах, где такие центры уже заработали, все необходимые процедуры мигранты могут осуществить в режиме «одного окна».

Таким образом, несмотря на некоторую половинчатость принимаемых законодательных норм и определенные трудности в области правоприменительной практики, можно констатировать некое движение государства в направлении принятия ответственности за процесс приема мигрантов и облегчения процесса их адаптации и интеграции в принимающее сообщество. Это в полной мере относится к образовательному пространству РФ, особенно в экономически привлекательных регионах и крупных городах. Одним из таких городов является Новосибирск – столица Сибирского федерального округа и Новосибирской области, административно-территориальный субъект РФ, один из центров притяжения мигрантов из стран Средней Азии. Для развития этнической структуры Новосибирской области характерно увеличение численности и доли представительства народов Средней Азии (узбеков, таджиков, киргизов) при сокращении славянских народов, татар, немцев [4; 5]. Это обстоятельство привлекло внимание ученых. В 2009–2010 гг. в Новосибирске при поддержке РГНФ было осуществлено конкретно-социологическое исследование «Конфессиональная принадлежность мигрантов-мусульман как фактор инкорпорирования в российское общество» (190 респондентов), в 2013–2015 гг. на основе сходной методики также при поддержке РГНФ

было проведено повторное исследование «Принимающее общество и ино-этнические мигранты – стратегии и практики взаимодействия» (363 представителя этнических диаспор, 601 представитель местного сообщества). Помимо массового опроса, в данном исследовании использовался метод экспертного интервью с представителями УФМС, этнических диаспор, осуществляющих трудовую деятельность на территории Новосибирска на временной и постоянной основе, педагогических коллективов и администраций школ с многонациональным составом учащихся. Исследование позволило оценить эффективность некоторых образовательных стратегий, целью которых является сокращение социальной дистанции между «местными» и «приезжими».

Об элементах признания проблемы адаптации и интеграции мигрантов как двусторонней, касающейся в том числе и принимающего общества, позволяет говорить трансформация регионального образовательного пространства. Внедрение нормативных и практических инноваций в этой сфере затронуло общее образование (конкретные учреждения) и образование взрослых (комплексно).

С 1 января 2015 г. законы РФ обязывают всех иностранных граждан, указавших в качестве основной цели своего визита в Россию работу, в обязательном порядке при получении разрешения на работу проходить тестирование, подтверждающее знание основ русского языка, истории и законодательства РФ. В 2015 г., по данным УФМС Новосибирской области, в Новосибирске зарегистрировано 13 региональных центров тестирования, осуществляющих подготовку и проведение экзамена на знание русского языка (как иностранного), основ истории и законодательства России. Данные организации получают право на ведение образовательной деятельности на основании лицензии и договора с одной из «головных» сертифицирующих организаций (МГУ, СПбГИ им. А. С. Пушкина, РУДН).

В сфере образования взрослых существует две группы проблем, негативно влияющих на процесс получения сертификата иностранцами. Первая группа связана с коммерциализацией данного вида деятельности. Дело в том, что стоимость экзамена в Новосибирской области составляет 4,9 тыс. руб., что является для многих мигрантов достаточно высокой ценой. Это создает питательную почву для коррупции: с одной стороны, как грибы растут псевдоцентры, выдающие недействительные сертификаты, с другой – недобросовестные дельцы за небольшую плату используют коррупционные схемы для получения подлинных документов. Вторая группа проблем обусловлена невозможностью в ряде случаев за короткий срок выучить русский язык на должном уровне, а ведь по закону иностранный гражданин обязан сдать экзамен в течение месяца. Для оптимизации данной ситуации существует две возможности. Одна из них заключается в необходимости создавать центры тестирования на территории республик бывшего СССР для того,

чтобы иностранные граждане по приезду в Россию уже имели сертификат, подтверждающий их компетенции для получения патента. Другая возможность видится в необходимости законодательного продления срока, выделенного для прохождения экзамена в случае, если претенденту необходимо дополнительное время для повторной сдачи экзамена.

В сфере общего и среднего образования, где педагогическому воздействию подвержены дети мигрантов, в Новосибирске сформировалась сеть общеобразовательных учреждений, объединенных необходимостью учитывать в своей деятельности особенности учащихся, для которых русский язык является неродным. Педагогические коллективы таких школ стремятся к объединению опыта, проявляя инициативу и выступая зачастую вопреки установкам на унификацию образовательного пространства, спускаемым в практику деятельности школ с федерального уровня. К этому администрацию и учителей побуждает социокультурная ситуация, связанная с потоком мигрантов, прибывающих в сибирские города в основном из республик Средней Азии (Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана). Хотя ситуация не является столь критичной, как в Европе, тем не менее она ставит перед образовательными учреждениями ряд специфических проблем: овладения детьми-мигрантами русского языка как второго родного, подключения родительского сообщества (как «местных», так и «приезжих») для решения педагогических задач, подготовка к ОГЭ и ЕГЭ всех детей, в том числе и мигрантов.

Как правило, педагогические коллективы школ, где обучаются дети мигрантов, используют три модели для решения специфических педагогических задач. Первая модель заключается в выделении контингента детей-мигрантов в особую группу, на основе которой в каждой параллели формируется класс коррекции. Данная модель дает возможность педагогическому коллективу найти форму работы, которая позволяет снять ответственность за результат обучения, а администрации – аргументировать причину низких показателей успеваемости объективными причинами. Такая модель широко применялась на рубеже 1990–2000-х гг., однако в настоящее время от нее отказываются все большее число образовательных учреждений по причине ее неэффективности, поскольку использование этой модели не только дает низкий педагогический эффект, но и создает предпосылки для социальной стигматизации. К этому подталкивает и обязательный государственный экзамен для выпускников 9-х (ОГЭ) и 11-х (ЕГЭ) классов, по итогам которого школьники получают аттестаты об общем и среднем образовании.

Вторая модель опирается на апробированную российскими семьями и широко распространенную в настоящее время связку дошкольного образования и начальной школы, когда дети мигрантов вместе с русскими детьми уже в старших группах детского сада знакомятся с будущим учи-

телем и начинают осваивать элементы программы младшей школы. Такой дошкольный модуль, называемый родителями «подготовишка», активно внедряется многими школами Новосибирска, на участках которых зарегистрированы семьи мигрантов. От обычной «подготовишки» такой модуль отличается наличием в программе большего количества уроков русского языка, он позволяет сократить социальную дистанцию между семьями и создать предпосылки для формирования будущего классного коллектива. Такая модель требует творческого подхода от учителя начальной школы, так как для детей мигрантов русский язык должен преподаваться как иностранный, что требует применения совсем иной методики, нежели методика обучения русскому языку как родному. В то же время без внимания не должны быть оставлены учащиеся, для которых русский язык является родным.

Наконец, третья модель ориентирована на адаптацию детей, прибывающих из стран ближнего зарубежья в старшие (8–11-е) классы. Детям перед зачислением в тот или иной класс предлагается пройти тест, по результатам которого определяется уровень ребенка и соответствующая образовательная параллель. Нередко оказывается, что школьнику придется переводиться на один или даже два класса ниже ступенью, что, безусловно, с педагогической точки зрения формирует стратегию неуспеха, однако создает условия для более успешной подготовки к ОГЭ или ЕГЭ. Поскольку школа заинтересована в высоких показателях итоговой аттестации, она вынужденно идет на это, убеждая родителей и ребенка в такой необходимости. Данная модель сложнее всего поддается оценке. Справедливости ради стоит отметить, что ее элементом является введение факультативных занятий по русскому языку. Как правило, трудности у ребят возникают из-за слабого знания русского языка, иных серьезных препятствий в образовательном пространстве, как правило, нет.

Однако есть ряд негативных факторов, которые не зависят от усилий самих общеобразовательных учреждений. Первую группу этого ряда можно условно обозначить как группу факторов мотивации семей мигрантов, среди которых есть, например, такие, в которых родители готовы давать образование мальчикам, но не девочкам, или такие, в которых все члены каждый сезон меняют место жительства, мигрируя из России в страну исхода и обратно; другую – как группу факторов, препятствующих адаптации к системе образования, остающейся в высшей степени бюрократизированной системой, подверженной чрезмерному регулированию и регламентированию «сверху». В такой ситуации образовательным учреждениям весьма сложно аргументировать необходимость выделения дополнительных ставок на факультативные занятия русским языком для тех ребят, которые в этом нуждаются. Между тем и на федеральном уровне, и на уровне субъектов РФ (в том числе и в Новосибир-

ской области) нет осознания необходимости помощи таким школам. В силу данных обстоятельств самоорганизация педагогического сообщества в настоящее время остается единственным механизмом, который позволяет хоть как-то справляться с данной проблемой на муниципальном уровне. На более высоком уровне управления образованием ответственные лица предпочитают игнорировать проблему, что, безусловно, имеет свои социокультурные причины.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся в системе образования, важно подчеркнуть влияние на нее определенной асимметрии в отношениях между местным сообществом и представителями этнических диаспор. Она заключается, по нашему наблюдению, в различии стратегий взаимной адаптации: если мигранты демонстрирует ориентацию на сближение с принимающим сообществом, то местное сообщество – на обособление. Данный вывод подтверждается субъективными оценками степени близости мигрантов и принимающего сообщества, высказанными нашими респондентами. В оценках мигрантов о степени их сходства с русскоязычным большинством наблюдается положительная динамика. В 2009 г. доля опрошенных представителей этнических диаспор, согласившихся с мнением о том, что россияне *похожи* и *немного похожи* на них, составила в совокупности 46,4%. В исследовании 2013 г. с этим мнением согласилось уже 57,2% мигрантов. Представители же местного сообщества полагают, что между ними и выходцами из ближнего зарубежья остается много различий (38,8%), либо признают, что «мы совсем разные» (28,2%).

Парадоксально, но остается фактом следующее обстоятельство: чем более социально благополучным ощущает себя местное население, тем более комфортно в нем живет приезжим. Таким образом, оказывается недостаточной активность государственных структур (в частности, УФМС), нацеленная на инкорпорацию выходцев из стран ближнего зарубежья в структуры российского социума. Усилия научной и педагогической интеллигенции также не дадут положительного результата, если на региональном и муниципальном уровнях не будет сформирована экспертная сеть, осуществляющая этносоциальный мониторинг. Кроме того, необходимы соответствующие программы, способствующие адаптации детей разных национальностей к образовательному пространству, взаимодействию двух категорий населения в рамках территориального общественного самоуправления, просвещению в медиапространстве, в том числе и в плане презентации объективной статистики о правонарушениях, совершенных как самими мигрантами, так и по отношению к ним. Эти меры должны осуществляться комплексно и быть ориентированными не только на мигрантов, но и на принимающее общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Витковская Г.** Введение // Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой и В. Школьников; МОМ, ФМС России, ОБСЕ. – М., 2009. – С. 19–36.
2. **Концепция** государственной миграционной политики Российской Федерации. Официальный сайт Федеральной миграционной службы. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/49505/full> (дата обращения: 22.01.2015).
3. **Федеральный закон** от 24 ноября 2014 г. N 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/585509/> (дата обращения: 22.01.2015).
4. **Итоги** Всероссийской переписи населения 2002. – М., 2004. – Т. 4., кн. 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. – С. 687–693.
5. **Информационные материалы** об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010. Национальный состав населения по субъектам РФ. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7 (дата обращения: 22.01.2015).

REFERENCES

1. **Vitkovskaya G.** Introduction. – New immigration legislation of the Russian Federation: the law enforcement practice. – Ed. G. Vitkovskaya, A. Platonov, V. Shkolnikov. – Moscow, 2009. – P. 19–36.
2. **The conception** of the state migration policy of the Russian Federation. Official website of the Federal Migration Service. – [Electronic resource]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/49505/full> (date of access: 22.01.2015).
3. **Federal Law** of November 24, 2014 N 357-FZ «On introduction of changes to the Federal Law ‘On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation’ and some legislative acts of the Russian Federation». – [Electronic resource]. – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/585509/> (date of access: 22.01.2015).
4. **The results** of the National Population Census 2002. – Moscow, 2004. – Vol. 4, book 1. National structure and language skills, citizenship. – P. 687–693.
5. **Information** materials on the final results of the population census 2010. The national structure of the population region by region, Russia. – [Electronic resource]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7 (date of access: 22.01.2015).

BIBLIOGRAPHY

Erokhina E. A., Madyukova S. A., Persidskaya O. A. Interethnic community of the Altay Republic: ethnosocial and ethnocultural processes. – Philosophy of Education. – 2015. – No. 1. – P. 165–178.

Erokhina E. A. Sociocultural approach in the study of ethnosocial processes. – Philosophy of Education. – 2014. – No. 6. – P. 116–126.

The conception of the state migration policy of the Russian Federation. Official website of the Federal Migration Service. – [Electronic resource]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/documentation/865/details/49505/full> (date of access: 22.01.2015).

Vitkovskaya G. Introduction. – New immigration legislation of the Russian Federation: law enforcement practice. – Ed. G. Vitkovskaya, A. Platonov, V. Shkolnikov. – Moscow, 2009. – P. 19–36.

Принята редакцией: 01.10.2015